

ИСТОРИИ СО СКОРОЙ ДВЕ ЛИНИИ ВЫЗОВА

ЕВГЕНИЯ ЛАЗАРЕВА
КИБЕР ДОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кибер Док

**Истории со скорой:
Две линии вызова**

«Автор»

2026

Док К.

Истории со скорой: Две линии вызова / К. Док — «Автор», 2026

«Истории со скорой: Две линии вызова» — это книга не про экстренные случаи, а про то, что к ним приводит. Здесь две стороны одной реальности: скорая помощь и выездная ветеринария, где почти никогда не бывает «вдруг». Это истории про решения, которые откладывали, про сигналы, которые игнорировали, и про моменты, когда исправлять уже поздно.

© Док К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 0. Знакомства	8
Глава 1. Там, где уже не ждут	10
Глава 2. Цена отложенных решений	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кибер Док

Истории со скорой: Две линии вызова

Все персонажи, события и организации в этом тексте являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями – случайны и непреднамеренны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава 0. Знакомства

Глава 1. Там, где уже не ждут

Глава 2. Цена отложенных решений

Глава 3. Последний вдох без выбора

Глава 4. Секрет пустой миски

Глава 5. Утраченное время

Глава 6. Проводок жизни (бонус).

Глава 7. История, у которой не было другого конца

Глава 8. Запоздалый контроль

Глава 9. Сила, которую не удержать руками

Глава 10. Где заканчивается шутка

Глава 11. Лишний в «чужом» доме

Послесловие

Предисловие

Евгения Лазарева

Если честно, я долго не собиралась ничего писать.

Не потому, что мне нечего было сказать, а потому что в моей работе слишком много такого, что проще оставить внутри, чем однажды сесть и по-настоящему на это посмотреть.

Выездная ветеринария – это вообще не про красивые картинки с довольными мордами, благодарными хозяевами и счастливым финалом под занавес, а про то, до чего дотянули, что проигнорировали, чего не захотели замечать вовремя, а потом вдруг назвали «экстренным случаем».

Мои главы именно про это.

Про животных, которые не умеют врать, не умеют оправдываться, не умеют рассказывать, что у них болит и как давно всё пошло не так. За них всегда говорят люди. И очень часто говорят поздно, когда от нас ждут не помощи, а подтверждения того, что назад дороги нет. И в этом для меня всегда было что-то особенно тяжёлое: животное ещё живо, ещё дышит, ещё смотрит, ещё доверяет, а решение, по сути, уже давно принято не им и не сегодня.

В этих историях нет попытки кого-то разоблачить, пристыдить или выставить чудовищем. Хотя, конечно, временами хочется. Потому что одно дело: сложная судьба, нехватка денег, страх, растерянность, бессонные ночи и невозможность быстро собраться.

И совсем другое: привычное человеческое «потом», которое длится неделями, месяцами, а иногда годами, пока организм животного не заканчивается прямо на полу, на диване, на кухне, в миске, в тишине, среди людей, которые ещё вчера были уверены, что всё не так уж плохо.

Наверное, именно поэтому я и согласилась на эту книгу.

Потому что у Кибер Дока и у меня, при всей разнице наших вызовов, на самом деле одна и та же территория. Только с разных сторон. Он приезжает к людям. Я приезжаю к животным. Но очень часто корень у этих историй один и тот же: поздно замеченное, долго игнорируемое, отложенное на потом, прикрытое надеждой, что само как-нибудь пройдёт. У него – человеческая боль, страх, кровь, крики, последствия. У меня – те, кто молчит до последнего и кому вместо слов остаётся только тело, по которому уже всё понятно.

Мне показалось важным соединить эти две линии в одной книге.

Не для красивой идеи. Не для контраста ради контраста. А потому что это правда жизни: пока в одном доме умирает старая кошка, в другом ребёнка кусает собака; пока кто-то откладывает операцию «до утра», в соседней квартире уже вызывают скорую к человеку после встречи с животным, которому тоже когда-то не помогли вовремя. Эти миры не существуют отдельно. Они постоянно соприкасаются, просто мы редко об этом думаем.

Мои главы – не про героизм. И не про то, какая я сильная, циничная или закалённая. Наоборот. Я, как и раньше, всё вижу. Всё чувствую. Меня всё так же может выбить из колеи доверчивая собака, которая спокойно ложится на спину под датчик, как будто знает, что я не сделаю ей больно. Всё так же цепляет старый кот, который уже почти не жив, но всё ещё дышит, пока вокруг него взрослые люди рассказывают, что «он был нормальный». Всё так же бесит пустая уверенность владельцев, что если они что-то не заметили, значит этого не было. И всё так же страшно в те секунды, когда понимаешь: сейчас ты уже не лечишь, не спасаешь и не ищешь выход, а просто ставишь точку там, где всё давно шло к финалу.

Наверное, я решилась написать это ещё и потому, что животные заслуживают быть не просто фоном в чужой жизни.

Они не приложение к человеку. Не «ну это же просто кошка» и не «он уже старый пёс, что вы хотите». Они живые. Терпеливые. Часто слишком терпеливые. И почти всегда честнее

нас. Если им больно – это видно. Если им страшно – это видно. Если они доверяют – это тоже видно сразу, и вот это доверие иногда бьёт сильнее любых слов.

Поэтому в этих главах будет разное.

Будет ночь, после которой уже нельзя отложить решение. Будет цена отложенных действий. Будет тишина, в которой всё уже ясно. Будет абсурд с пустыми мисками, полными желудками и людьми, которые клянутся, что «ничего не давали». Будет медленное разрушение, которое почему-то всегда называют внезапным. И во всех этих историях будет одно общее: момент, когда животное остаётся честнее всех, кто стоит рядом с ним.

Если вы ждёте здесь лёгких баек про ветеринарные выезды, то это не они.

Если вы готовы посмотреть на ту часть работы, где доверие, боль, вина, раздражение и бессилие всё время стоят рядом, тогда вы по адресу.

Я написала эти главы вместе с Кибер Доком не потому, что наши работы одинаковые. А потому что слишком часто они оказываются про одно и то же.

Кибер Док

Я не планировал писать это предисловие в таком виде и уж точно не собирался делать его мягким или удобным для восприятия, потому что сама работа на скорой редко бывает такой. За всё время я слишком много раз видел одно и то же, чтобы продолжать делать вид, что большинство вызовов – это случайность или невезение. В какой-то момент становится очевидно, что за очень многими ситуациями стоит не «вдруг», а цепочка действий, решений и, чаще всего, бездействия.

Скорая помощь почти никогда не про начало истории. Мы приезжаем туда, где уже есть последствия, где уже что-то сломалось, пошло не так или было доведено до состояния, в котором иначе закончиться уже не могло. Люди часто говорят, что «всё произошло резко», «ещё вчера было нормально», «мы не ожидали», и иногда это действительно так, но гораздо чаще за этими словами скрывается то, что просто не хотели замечать или откладывали до последнего.

Я вижу это регулярно, и со временем перестаёшь удивляться самим ситуациям, но не перестаёшь замечать одну важную вещь: почти всегда между тем, что происходило раньше, и тем, к чему это привело, есть прямая связь, просто её не хотят признавать. Собака не становится агрессивной «сама по себе», кошка не начинает кусать «без причины», и человек не оказывается в тяжёлом состоянии за одну минуту без предыстории. Всё это накапливается, растёт, игнорируется, а потом в какой-то момент происходит то, что уже невозможно игнорировать, и тогда вызывают скорую.

В этой книге мои истории идут рядом с историями Жени, и это не случайное совпадение. Она работает там, где ещё можно увидеть проблему раньше, где животное ещё не доведено до предела, где есть шанс заметить изменения, задать вопросы и принять решение вовремя. Я же приезжаю туда, где эти решения уже либо приняты неправильно, либо не приняты вовсе, и остаётся только работать с тем, что есть на данный момент.

На первый взгляд это две разные сферы, но на деле это одна и та же линия, просто в разных точках. Сначала игнорирование, сомнения, откладывание и надежда, что «само пройдёт», а потом – последствия, с которыми уже приходится что-то делать здесь и сейчас.

Я не пишу это для того, чтобы кого-то обвинить или запугать, хотя некоторые истории действительно звучат так, что их сложно воспринимать спокойно. Я пишу это потому, что за каждой из них стоит реальность, с которой мы сталкиваемся каждый день, и которая не меняется от того, что о ней не говорят.

Здесь не будет попытки сгладить углы или сделать происходящее более удобным для читателя. Будет то, как есть: иногда жёстко, иногда абсурдно, иногда настолько нелепо, что сначала не веришь, а потом понимаешь, что это обычный вызов.

Если после этих историй кто-то хотя бы один раз не отложит «на потом» то, что требует внимания сейчас, значит, всё это было не зря.

Глава 0. Знакомства

От лица Кибер Дока.

Лето 2025 года, книга «В ритме 103» у меня уже практически дописана, текст лежит передо мной как что-то почти завершённое, я время от времени возвращаюсь к нему, перечитываю, правлю формулировки, где-то усиливаю сцены, но в целом уже понимаю, что основная работа сделана и остаётся только довести её до финальной точки.

И в один из таких обычных вечеров, без какого-то особого настроения и без конкретной цели, я просто листаю TikTok, как это делает любой человек после смены или в редкий момент тишины, когда не хочется ни думать, ни анализировать, а просто переключиться.

И вот среди всех этих случайных видео мне попадаетея она.

Евгения.

И первое, что я слышу, это фраза «Я аху*ла, когда туда приехала...» сказанная без пафоса, без попытки сделать эффект, а просто как факт, с которого начинается история.

И дальше она спокойно, уверенно, без лишних украшений начинает рассказывать про выездную ветеринарию, про ситуацию, в которую попала, про то, что делала, и это звучит так, что ты не просто слушаешь, ты остаёшься, потому что тебе важно дослушать до конца.

Меня это цепляет сразу.

Не из-за темы, не из-за редкости или необычности, а именно из-за подачи, потому что это звучит честно, без попытки понравиться, без лишнего «красиво», и при этом ты понимаешь, что за этим стоит реальный опыт, а не придуманный текст.

Я подписываюсь.

Начинаю смотреть дальше.

И постепенно ловлю себя на том, что это уже не один ролик, не случайное попадание в ленту, а интерес к тому, как человек думает, как рассказывает, как видит свою работу и то, что в ней происходит.

Я начинаю следить за её блогем регулярно, не в смысле какого-то навязчивого внимания, а скорее как человек, которому действительно интересно, потому что каждый новый пост или видео даёт ощущение, что ты смотришь не на контент, а на реальную жизнь, без фильтра и без попытки её сгладить.

Проходит какое-то время, и мы списываемся.

Сейчас уже сложно точно вспомнить, кто написал первым и по какому поводу, но это было максимально естественно, без какого-то формального «знакомства», просто обычный диалог, который не закончился через пару сообщений, как это обычно бывает.

Потом был созвон. Потом ещё один. И в какой-то момент ты начинаешь понимать, что это уже не случайное общение, не просто «перекинулись парой мыслей», а что-то более устойчивое, потому что разговоры не заканчиваются, темы не иссякают, и между вами нет необходимости постоянно объяснять, что ты имеешь в виду.

Мы общались много, не только про работу, и я не буду сейчас углубляться в детали, потому что это уже не про книгу, а про личное, но именно в тот период у меня появилось чёткое ощущение, что мы уже не два разных человека, которые просто пересеклись в интернете, а люди, которые в какой-то момент стали друг другу понятны без лишних слов.

И где-то на этом фоне, уже в процессе одного из разговоров, я, скорее в шутку, чем всерьёз, сказал, что мы когда-нибудь можем сделать книгу вместе, просто как коллаб, как объединение двух историй, двух взглядов на одну и ту же тему.

Без расчёта, чёткого плана, а просто потому, что это звучало логично.

У неё тогда уже был сильный блог, у меня тоже всё постепенно росло, у неё было около шести тысяч подписчиков, у меня около четырёх, и сама идея не казалась чем-то нереальным или сложным.

Мы это обсудили... и отложили.

Потому что работа, канал, а у нее еще ребенок и муж.

Да и потому что всегда есть что-то, что кажется более срочным.

В сентябре Женя уезжает из Москвы, и на этом этапе идея с книгой окончательно уходит на задний план, хотя по факту она уже тогда существовала, просто без даты и без конкретного решения.

Проходит время.

Апрель.

Она мне звонит.

И говорит:

– Угадай, где я?

Я, не особо задумываясь, отвечаю:

– В Москве?

И в ответ слышу:

– Дааа.

И в этот момент как будто всё возвращается на свои места, как будто паузы не было, потому что разговор продолжается так же легко, как и раньше, без ощущения, что что-то нужно «восстанавливать».

Мы снова начинаем общаться, обсуждать всё подряд, смеяться, вспоминать прошлые разговоры, и в какой-то момент снова выходим на ту самую тему, которую когда-то отложили.

Книга.

И уже без шуток.

Без «когда-нибудь». Просто понимаем, что её нужно делать, потому что это уже не идея. Это логичное продолжение того, что мы оба делаем.

Так и началась эта история.

Не с плана, не с чёткого решения, а с одного случайного ролика, который я мог пролистать – и тогда, скорее всего, ничего бы этого не было.

Глава 1. Там, где уже не ждут

Ночной вызов после нуля на предоперационное обследование собаки, и уже по одной формулировке от диспетчера становится понятно, что сейчас будет не экстренность, а очередная история про «мы подумали в последний момент».

В комментарии стоит: «опомнились. У них операция в 9:30 утра, а они только сейчас диагностику делают», и вот это «опомнились» почему-то звучит максимально точно и максимально раздражающе одновременно.

Я смотрю на адрес, на время, на экран, и в голове уже выстраивается примерная картина происходящего, где люди до последнего тянут, а потом резко вспоминают, что завтра операция, и начинают метаться.

Ну ладно, думаю, сегодня я добрая, никого в пешее эротическое не отправляю, хотя очень хочется.

К двум часам ночи подъезжаю.

Двор пустой, тихий, машины стоят, как будто их оставили и забыли, ни движения, ни звуков, только где-то далеко проезжает одна единственная машина, и всё снова замирает.

Поднимаюсь по подъезду, в котором даже лампочки горят через одну, и уже по этому ощущению понимаешь, что ночь здесь давно и надолго.

Не звоню – меня попросили не звонить, чтобы не будить ребёнка, поэтому просто стучу, сначала тихо, потом чуть сильнее.

Сначала тишина, такая, что кажется, будто за дверью вообще никого нет, потом слышатся шаги, медленные, неуверенные, как будто человек сам не до конца понимает, куда и зачем идёт.

Дверь открывается.

На пороге стоит мужчина, который выглядит так, будто его вытащили из сна не просто резко, а в тот момент, когда он вообще не должен был просыпаться – взгляд мутный, движения замедленные, лицо помятое, и видно, что он даже не сразу понимает, кто перед ним и зачем я здесь.

Из квартиры доносится плач новорождённого, тот самый, который не спутаешь ни с чем – резкий, надрывный, будто ребёнок не просто плачет, а требует немедленно обратить на себя внимание, и на секунду становится даже неловко, что ты приходишь в этот хаос со своим УЗИ.

Я захожу.

В квартире темно почти везде, не «приглушённый свет», а именно темно, как будто вся жизнь сосредоточена в одной комнате, где и происходит всё важное, а остальное пространство просто выключено.

Свет есть только там, где находится собака, и это ощущение, что вся квартира существует только вокруг неё, не отпускает.

И вот в этой комнате – она.

Бишон фризе, самка, 9 лет, маленькая, белая, аккуратная, с глазами, в которых есть то самое спокойствие, которое не всегда видишь даже у здоровых животных.

Она не ждёт, не настораживается, не оценивает меня – она просто выходит ко мне сама, как будто знает, что я должна прийти.

Подходит, спокойно, без суеты, виляет хвостом, тычется носом в руку, облизывает пальцы, и в этом нет ни тревоги, ни страха, ни попытки отстраниться – просто принятие.

Когда достаю аппарат, она облизывает уже его, и я невольно улыбаюсь, потому что в два часа ночи это выглядит максимально неожиданно и максимально по-живому.

Собираю анамнез, насколько это возможно в таких условиях, когда владелец постоянно уходит к ребёнку, возвращается, снова уходит, и разговор рвётся на куски, как старая запись.

Фразы обрываются, мысли теряются, и в какой-то момент я перестаю задавать уточняющие вопросы, просто собирая общую картину из того, что успеваю услышать.

Работаю одна.

Раскладываю лежанку, аккуратно укладываю её на спину, и в этот момент происходит то, что каждый раз выбивает из привычного ритма.

Она не сопротивляется.

Вообще.

Не напрягается, не дёргается, не пытается перевернуться или уйти, не смотрит на меня с настороженностью – просто ложится и остаётся лежать, как будто это самое естественное, что сейчас может происходить.

И в этом нет безразличия, в этом есть доверие, чистое, без условий, без проверки.

Как будто она уже всё решила раньше меня.

Тёплая, спокойная, почти засыпает под датчиком, и я ловлю себя на том, что на секунду выпадаю из всей этой ситуации – из ночи, из чужой квартиры, из криков ребёнка за стеной.

Остаётся только она и работа, которую нужно сделать.

Заканчиваю исследование, выключаю аппарат, зову владельца, и уже заранее понимаю, что сейчас начнётся разговор, который будет важнее всего остального.

– Скажите, а почему именно ночью? И что планируется за операция?

Он начинает рассказывать, и по мере рассказа становится ясно, что история тянется уже не первый день и даже не первую неделю.

Две–три недели течка, но в этот раз всё идёт не так, как обычно – собака вялая, уходит в себя, ищет место, где можно спрятаться, и это поведение, которое всегда настораживает, потому что оно редко бывает «просто так».

Несколько дней назад, когда стало совсем плохо, он поехал ночью в ближайшую клинику, где сделали УЗИ, но без заключения, просто показали на экран и выдали сразу несколько вариантов, не утруждая себя точностью:

гиперплазия матки, пиометра, кисты яичников.

И, конечно, финальное:

– срочно надо оперировать.

Кровь взяли, отправили домой.

В 22:00 звонок: всё плохо, лейкоцитоз, срочно антибиотики и завтра операция.

И вот тут у него начинает возникать то самое чувство, когда что-то не сходится, когда слишком много «срочно» и слишком мало объяснений.

Он задаёт вопросы, которые обычно задают уже тогда, когда начинают сомневаться:

почему ночью, где взять специалистов, и не пытаются ли просто заработать.

И на этом этапе он решает проверить.

Вызывает меня.

Я предлагаю повторить УЗИ.

Без лишних слов.

Снова укладываю её на спину, и она снова не сопротивляется, как будто ей уже всё равно, что с ней делают, лишь бы не трогали лишний раз.

Смотрим.

И вот тут становится понятно, что ситуация серьезнее, чем выглядело сначала.

Таких кист я давно не видела, потому что это уже не «образование», а практически отдельный орган, который живёт своей жизнью.

Справа – размером с полный мочевого пузырь, чётко, объёмно, без вариантов для интерпретации.

Слева – мелкие, как виноградные гроздья.

По пиометре – мимо. Там её нет.

Матка деформирована, выглядит стянутой, изменённой, больше похоже на эндометриоз, что тоже требует вмешательства, но это уже совсем другой уровень понимания ситуации.

По анализам – отдельная история.

Не лейкоцитоз.

Лейкопения.

То есть всё наоборот.

Я откладываю датчик, и в этот момент уже не остаётся пространства для «подождём» или «посмотрим».

– это экстренная хирургия, потому что киста может лопнуть в любой момент, и тогда начнётся гемоабдомен, после которого уже ничего не будет.

Он молчит.

Смотрит на неё.

Она в этот момент зевает и пытается устроиться удобнее, как будто весь этот разговор её вообще не касается.

И мы оба понимаем, что сейчас перед нами лежит не просто «собака с проблемой», а результат того самого «потом», которое слишком долго откладывали.

Мы немного молчим.

Потом он говорит, что она – потомок чемпиона, с хорошей родословной, с перспективами, которые так и остались на словах, потому что всё время было «некогда».

И вот это «некогда» сейчас лежит перед нами с кистой размером с чёртов шар.

Но у животных всё проще.

У них нет этих человеческих историй про «надо родить», «надо успеть», «надо реализоваться».

Им важно другое.

Чтобы не болело.

Чтобы можно было спокойно дышать.

И чтобы рядом был тот, кому можно вот так лечь на спину, не сопротивляясь, и просто довериться.

Глава 2. Цена отложенных решений

Экстренный ночной вызов к коту 19-ти лет с формулировкой: «слабый, валяется на полу, кричит, понос», и уже на этапе чтения заявки становится понятно, что это не про экстренность, а про привычное «дотянули до последнего, а теперь срочно приезжайте и спасайте».

Что там экстренного? вопрос риторический, потому что ответ очевиден: ничего, просто ждали до последнего вторника, пока уже невозможно стало делать вид, что всё нормально.

Поднимаюсь.

Ещё не дошла до двери, а уже всё понятно, потому что запах встречает раньше, чем дверь открывается, и это тот самый запах, который невозможно перепутать ни с чем другим, потому что он всегда про одно и то же – про запущенность, про боль, про конец, который давно начался, но его старательно не замечали.

Дверь открывают.

Захожу.

Кот лежит на полу, и слово «лежит» здесь скорее формальность, потому что он не лежит – он растёкся, как будто тело уже не держит форму, как будто внутри больше нет ничего, что могло бы его собрать и удержать.

Он почти не двигается, не реагирует, только иногда подаёт слабые, еле заметные признаки того, что он ещё жив, но это уже не жизнь, а её остатки.

Начинаю осмотр.

Кот «сухой» и это не фигура речи, а максимально точное описание состояния, потому что это кожа и кости, без малейшего преувеличения.

Мышечной массы нет вообще, жировой тоже нет, пальцы буквально проваливаются между рёбрами, и их можно пересчитать не глядя, просто на ощупь.

Зубы «отросли», кости выступают так, как будто это анатомический экспонат, а не живое существо, и вся эта картина складывается в диагноз ещё до любых исследований.

Из пасти запах ацетона, резкий, характерный.

Когти толстые, закрученные, давно не стриженные, такие, что уже сами начинают причинять дискомфорт, но на этом этапе это уже вообще не имеет значения.

Температура 33,2. Тахикардия. Слизистые бледные. СНК 2 секунды.

Живот резко болезненный, особенно в проекции почек, и даже минимальное прикосновение вызывает реакцию, но она уже настолько слабая, что больше похожа на отголосок боли, чем на полноценный ответ.

Жопа в дерьме.

Не «испачкался», не «немного замарался», а именно вымазался, потому что он просто лежал в своих же жидких испражнениях и не мог ни встать, ни отползти, ни как-то изменить своё положение.

И вот на этом фоне стоят три взрослых человека.

Стоят над ним. Смотрят.

И начинают говорить.

Я их слушаю секунд десять, максимум, и этого времени более чем достаточно, чтобы понять, что дальше будет идти стандартный поток оправданий, объяснений и попыток сделать вид, что всё произошло внезапно.

Их дальнейший пиздёж я просекаю с первого слога, потому что это не первый и даже не десятый раз.

Я:

– По осмотру я уже всё сказала, и повторять особо нечего, потому что состояние критическое. Давайте так... вы сами что хотите?

Вл1, Вл2, Вл3, практически одновременно, не давая друг другу договорить:

– ЛЕЧИТЬ!!!

Я:

– Не получится.

Пауза.

Та самая пауза, когда до людей начинает доходить, что сценарий, в котором «сейчас приедут и всё исправят», не сработает.

Вл1:

– Почему?

Я:

– Потому что это терминальная стадия, и, скорее всего, уже полиорганная недостаточность, когда проблема не в одном органе, а в том, что система в целом перестала работать. Мне даже без УЗИ понятно, что вместо почек там уже мешочки.

Вл2:

– А если вы УЗИ сделаете, ему легче станет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.